

УДК 327.5

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ
ПОДХОД
В ПОЛИТИКЕ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
В ОТНОШЕНИИ
ЭСТОНСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ**

Д. А. Ланко*

Анализируется политика Российской Федерации в отношении Эстонской Республики с точки зрения теоретического подхода, разработанного автором. Под региональным подходом подразумевается ситуация, когда представления о целях и средствах внешней политики государства меняются в зависимости от того, о каком регионе мира идет речь. Лидеры крупных держав часто полагают, что малые страны Европы заслуживают одного отношения, а страны Ближнего Востока — другого. Для определения влияния регионального подхода на представления политических лидеров в данном исследовании используется метод операционального кодирования. Делается вывод о том, что позиция России в отношении Эстонии в значительной степени зависит от восприятия регионов, к которым российская элита причисляет Эстонию: странам Балтии, Северной Европе или Европе в целом. Результаты исследования, приведенные в данной статье, будут способствовать осмыслению политики России, касающейся Эстонии. Ведь отсутствие понимания в этом вопросе зачастую приводит к тому, что некоторые наблюдатели начинают соглашаться с заявлениями радикальных эстонских политиков о том, что политика России в отношении Эстонии является непредсказуемой, а следовательно, несет в себе потенциальный вызов безопасности и стабильности в Европе.

* Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7—9.

Поступила в редакцию 31.05.2013 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2013-3-4

© Ланко Д. А., 2013

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, Россия, Эстония, регионализм, военно-политические блоки

В основополагающих документах по внешней политике Российской Федерации Эстонская Республика никогда не называется самостоятельным игро-

ком на международной арене, но о ней всегда говорится в контексте взаимодействия Российской Федерации и трех стран Балтии: Латвии, Литвы и Эстонии. Так, в Концепции внешней политики РФ, утвержденной в 2000 г. Президентом страны В. В. Путиным, отмечалось, что «развитие отношений Российской Федерации с Литвой, Латвией и Эстонией имеет хорошие перспективы» [1]. В Концепции внешней политики, принятой в 2008 г. в связи с избранием Президентом страны Д. А. Медведева, декларировалось, что «Российская Федерация настроена на взаимодействие с Латвией, Литвой и Эстонией в духе добрососедства, на основе обоюдного учета интересов» [2]. Наконец, в новой Концепции внешней политики, утвержденной в феврале 2013 г., Эстония и вовсе не упоминается, там лишь указывается, что «участие России во взаимодействии в рамках Совета государств Балтийского моря играет важную роль» во внешней политике Российской Федерации [3].

Как будет показано в данной статье, политика России, касающаяся Эстонии, — элемент стратегии в отношении трех стран Балтии (Латвии, Литвы и Эстонии), стран Северной Европы, включая Скандинавские страны, Финляндию, Исландию, Великобританию и Ирландию, а также Европы в целом. Влияние последнего фактора особенно заметно в вопросах защиты Россией прав соотечественников в Эстонии с точки зрения европейских стандартов — в более жесткой, чем можно ожидать, позиции. Данное явление, свойственное внешней политике не только России, но и других крупных держав, например США, в отношении малых стран, получило название регионального подхода. Значение этой категории автор настоящей статьи раскрывает в ряде работ (например, [4]), здесь оно будет рассмотрено на примере политики Российской Федерации, связанной с Эстонской Республикой.

Понятие регионального подхода

Политические взгляды лидеров государства играют значительную роль во внешней политике. Разумеется, позиция политического лидера по тому или иному вопросу, основанная на его представлениях, не является единственным фактором, влияющим на процесс принятия внешнеполитических решений. Анализ внешней политики также должен включать оценку состояния системы международных отношений в данный момент времени, позиции данного государства в этой системе, подходов других значимых игроков международных отношений и мировой политики к данной проблеме и т. д. Из внутривнутриполитических факторов нельзя не учитывать общественное мнение, точки зрения влиятельных заинтересованных групп, подходы к данной проблеме различных политических партий, структуру взаимоотношений между различными ветвями власти, особенности организации процесса принятия внешнеполитических решений и их реализации внутри исполнительной

власти и т. д. Вместе с тем суждения политических лидеров нельзя сбрасывать со счетов. Особенно в условиях, когда появляется все больше научной литературы, прямо указывающей на то, что «политические лидеры осуществляют свою власть над сферой, включающей в себя международные дела, оборону» [5, с. 19]. Причем «диапазон и масштаб осуществления власти [лидеров] могут быть различны не только под влиянием окружающей обстановки, но и в силу личных соображений лидера» [5, с. 20]. Иными словами, позиции политического лидера не только влияют на конкретные внешнеполитические решения, но и на то, в какой мере данный лидер вмешивается в процесс принятия решений в данном государстве. Неудивительно, что представления политических лидеров стали объектом многочисленных научных трудов исследователей, занимающихся внешнеполитическим анализом.

Одно из направлений в изучении сложившегося мнения политических лидеров связано с использованием в науке международных отношений метода операционального кодирования. Операциональным кодом называется набор представлений политического лидера, которые определяют его роль в процессе принятия внешнеполитических решений. Впервые понятие операционального кода было введено в 1950-х гг. Н. К. Лейтесом [6], но и в настоящее время оно не утратило своей актуальности [7]. Соответственно, операциональное кодирование — это метод дистанционного определения путем анализа публичных выступлений взглядов лидера на определенные вопросы, чтобы впоследствии их можно было сравнить с суждениями его современников, предшественников и последователей.

Представления политических лидеров как элементы их операционального кода условно делятся на философские и инструментальные. Философские — о «природе» существующей системы международных отношений, например о роли случая в международных отношениях, о способности конкретного государства контролировать ход исторического развития и т. д. Инструментальные — о том, каким образом данному государству следует выстраивать свою внешнюю политику с учетом существующей «природы» международных отношений: в какой мере эффективной внешнеполитической тактикой является сотрудничество, а в какой — конфликт, в какой мере допустим риск во внешней политике и т. д.

И философские, и инструментальные представления политического лидера подвержены изменениям с течением времени. Инструментальные позиции также могут меняться в зависимости от того, о политике какого государства или группы государств идет речь.

Изменение мнения о целях и средствах внешней политики в зависимости от ситуации называется подходом. Например, ситуация, когда тот или иной лидер полагает, что различные расовые группы «заслуживают» разного отношения, может быть определена как проявление расового подхода, или, проще говоря, расизм. А ситуация, когда тот или иной лидер считает, что к различным этническим группам также стоит по-разному относиться, аналогично может быть расценена как нацио-

нальный подход, или, упрощенно, национализм. В качестве примера исследования, в котором утверждается, что национальный подход оказывает серьезное влияние на внешнюю политику крупной державы, можно назвать работу Дж. Мершаймера и С. Уолта о роли израильского лобби во внешней политике США [8]. Однако в целом роль национального и расового подходов во внешней политике крупных держав невелика. Ведь стремление избегать национального и расового подхода — значимая ценность в большинстве крупных держав, в том числе в России, США и в западноевропейских державах.

Довольно большую роль во внешней политике крупных держав, включая Россию и США, играет региональный подход — позиция, согласно которой страны, относящиеся к различным регионам, заслуживают и разного отношения. Например, как показывает Дж. Реншон [9], инструментальные представления 43-го президента США Дж. Буш-младшего менялись с течением времени, особенно сильно после 2001 г., а также в зависимости от региона. Так, Дж. Буш допускает возможность принятия рискованных решений, если речь идет о политике США в отношении стран западного полушария или Европы, однако в случае Ближнего Востока, полагает американский лидер, любое решение следует «обдумать дважды». Как неоднократно заявлял в своих выступлениях Буш, «ставки на Ближнем Востоке высоки» [10]. С точки зрения российского президента В. В. Путина, как доказывает С. Б. Дайсон [11], риск во внешней политике допустим в гораздо меньшей степени, чем, по мнению его американского коллеги Дж. Буша.

При этом отношение российского лидера к допустимости риска во внешней политике не меняется в зависимости от региона, то есть в данном аспекте оно не подвержено влиянию регионального подхода. Зато его взгляд на то, в какой мере эффективной внешнеполитической тактикой является сотрудничество, а в какой — конфликт, явно обусловлен региональным подходом. Так, согласно результатам проведенного автором статьи анализа операционального кода В. В. Путина [4, с. 321], российский лидер считает, что если сотрудничество на западном направлении — эффективный инструмент достижения целей и задач внешней политики, то в странах Востока призывы к сотрудничеству часто воспринимаются как демонстрация слабости. Следовательно, сотрудничество на восточном направлении не может эффективно способствовать реализации национальных интересов. Это становится одной из причин разногласий между Россией и странами Запада по вопросам ближневосточной политики. Ведь зачастую страны Запада, выстраивая свою политику на Ближнем Востоке, отталкиваются от предположения, что там есть силы, готовые сотрудничать в «западном понимании» значения категории «сотрудничество».

В результате возникают ситуации, когда, говоря словами российского министра иностранных дел С. В. Лаврова [12], в Мали французской армии приходится сражаться с террористами, «очень тесно связанными с некоторыми из террористов», с которыми французская армия сотрудничала в Ливии незадолго до этого, что, естественно, не может

встретить понимания с российской стороны. Таким образом, региональный подход оказывает влияние на представления и российского, и американского лидеров, что дает основания говорить о том, что он определяет политику крупных держав в отношении малых стран в целом.

Сложность в понимании регионального подхода заключается еще и в том, что по ряду стран мы не можем однозначно сказать, какому региону они принадлежат. Например, такие страны, как Турция, Израиль, Грузия, Армения и Азербайджан, могут одними лидерами рассматриваться в качестве европейских, а другими — в качестве ближневосточных. Позиция к этим странам будет зависеть от того, считают ли их европейскими или ближневосточными. Так, если Дж. Буш-младший говорит о Турции в контексте политики США в Европе, то, по его мнению, принятие рискованного внешнеполитического решения в данном случае более оправдано, чем если бы речь шла о Турции в контексте политики США на Ближнем Востоке. Если В. В. Путин говорит о Турции в контексте российской политики на Ближнем Востоке, то, с его точки зрения, призывы к сотрудничеству не станут здесь эффективным инструментом внешней политики, в отличие от ситуации, когда речь шла бы о Турции в контексте политики на европейском направлении. При этом во всех этих случаях речь идет об одной и той же стране — Турции. Похожее влияние региональный подход оказывает и на политику Российской Федерации в отношении Эстонской Республики. Ведь если Турция расположена на границе регионов Европы и Ближнего Востока, то Эстония — на границе Европы и постсоветского пространства.

Эстония и другие страны Балтии между Европой и постсоветским пространством

После распада Советского Союза Эстонская Республика, как и две другие страны Балтии — Латвия и Литва, отказалась от вступления в состав Содружества Независимых Государств и взяла курс на присоединение к европейским и евро-атлантическим институтам сотрудничества, в первую очередь к Европейскому союзу и НАТО. Соответственно, в структуре российского Министерства иностранных дел политика России в отношении Эстонии была отнесена к ведению не тех департаментов, чьей задачей является координация внешней политики России в отношении стран СНГ, а к ведению Второго европейского департамента, занимающегося повседневными вопросами политики России и стран Северной Европы, включая Скандинавские страны (Данию, Швецию и Норвегию), Финляндию, Исландию, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Ирландскую Республику, а после 1991 г. также Латвию, Литву и Эстонию. Кроме того, данный департамент также участвует в решении вопросов России в Совете государств Балтийского моря, Совете Баренцева — Евро-Арктического региона и в Арктическом совете.

Значительная часть российской элиты в 1990-х гг. воспринимала страны Балтии как бывшие советские республики, следовательно, как часть постсоветского пространства. В связи с этим стремление Прибалтийских республик присоединиться к НАТО воспринималось в РФ гораздо более болезненно, чем, например, такое же стремление Чехии или Польши, не говоря уже о Болгарии или Албании. В результате в представлениях российских государственных лидеров страны Балтии приобрели значение, несоразмерное их величине, численности населения, доле во внешнеторговом обороте России и весу с точки зрения национальной безопасности Российской Федерации. В качестве одного из показателей такой гипертрофированной роли этих трех стран, в частности Эстонии, можно назвать то внимание, которое уделял проблематике отношений между Россией и странами Балтии российский Совет по внешней и оборонной политике [13; 14]. В те 1990-е гг. это была одна из наиболее значимых неправительственных организаций, оказывающих влияние на внешнюю политику страны.

Одним из способов противодействия вступлению стран Балтии в НАТО в 1990-х гг. считался отказ российской стороны подписывать пограничные договоры с этими странами. США и другие крупные державы — влиятельные страны НАТО в те годы с настороженностью относились к перспективе приема в Альянс государств с неурегулированными территориальными спорами с соседями. Благодаря этому российская сторона получила возможность указывать на отдельных лидеров стран Балтии, которые требовали пересмотра линии прохождения границы с Россией, в качестве доказательства того, что эти страны имеют территориальные претензии к соседям, следовательно, не могут быть приняты в НАТО. В Эстонии это были депутаты эстонского парламента Рийгикогу от партии «Союз Отечества», включая ее главу некогда премьер-министра страны М. Лаара, историка по образованию, одного из авторов печально известного учебника эстонской истории [15], в котором крайне предвзято оценивается характер российско-эстонских отношений с древнейших времен до конца XX в.

Надо отметить, что не только российская элита рассматривала Эстонию и другие страны Балтии в 1990-х гг. в качестве стран, «застрявших» между Европой и постсоветским пространством. Некоторые эстонцы, в первую очередь те, которые в советский период проживали в эмиграции, а после распада Советского Союза вернулись в Эстонию, также указывали на это. Например, американский эстонец Р. Таагепера, физик по образованию, один из кандидатов на выборах президента Эстонии 1992 г., принимавший и в последующие годы активное участие в эстонской политике, заявивший о себе также в качестве ученого-политолога, писал, что с точки зрения своей политической культуры эстонцы на рубеже XX—XXI вв. еще не были в полной мере европейцами, но в их культуре встречались смешанные политические ценности — как характерные для большинства стран Европы, так и свойственные в большей мере странам постсоветского пространства. Этим, в частности, Р. Таагепера объяснял беспрецедентный рост уровня коррупции, который произошел в Эстонии после распада Советского Союза [16].

Несмотря на критику с российской стороны, Эстония, а также Латвия и Литва присоединились к НАТО в 2004 г. В 2003 г. был подписан пограничный договор между Россией и Литвой, в 2007 г. — с Латвией. Здесь можно увидеть один из аспектов влияния регионального подхода: политика России, касающаяся Эстонии, находится под влиянием связей с другими странами Балтии, в частности с Латвией. И наоборот, российско-эстонские отношения сказываются на взаимодействии России и других стран Балтии, в том числе Латвии. Причем ухудшение отношений с одной из стран региона может привести как к ухудшению отношений со всеми странами данного региона, так и к их улучшению — «назло» первой стране. Именно это произошло в российско-эстонских и российско-латвийских отношениях в 2005—2007 гг.

Формально правительства Эстонии и Латвии еще в конце 1990-х гг. отказались от претензий на части территорий Ленинградской и Псковской областей Российской Федерации. Однако отдельные радикальные политики в обеих странах время от времени поднимали вопрос о возобновлении территориальных претензий, пока пограничные договоры между этими государствами оставались неподписанными. Так, в январе 2005 г. Комиссия по международным делам Сейма (парламента) Латвии одобрила рекомендации к пограничному договору с Россией, где указывалось, что Сейму не следует ратифицировать вариант пограничного договора с Россией, если в нем не будет упомянуто изменение границ по сравнению с теми, которые были закреплены в мирном договоре между Латвией и Россией от 11 августа 1920 г. В России эти рекомендации были восприняты в качестве официального решения о возобновлении территориальных претензий со стороны Латвии [17]. В результате переговоры по пограничному договору между Россией и Латвией были свернуты. Зато по инициативе российской стороны стали форсироваться переговоры по пограничному договору с Эстонией. Комментируя это решение, российский лидер В. В. Путин заявил: «...у нас подписан договор по границе с Эстонией. И мы сознательно пошли на это вне зависимости, повторяю, от демаршей со стороны некоторых политиков прибалтийских... <...> ...Никогда не будем вести никаких переговоров на платформе даже обсуждения каких бы то ни было к нам территориальных претензий. <...> От мертвого осла уши им, а не Пыталовский район!» [18]. Впрочем, урегулировать проблему российско-эстонской границы в 2005 г. не удалось: при его ратификации в парламенте Эстонии в текст закона были внесены уточнения, аналогичные тем, на которых настаивал Комитет по международным делам латвийского Сейма, о чем говорилось выше. В ответ российский министр иностранных дел С. В. Лавров отозвал свою подпись с пограничного договора с Эстонией [19].

В феврале 2007 г. латвийский Сейм официально решил не следовать рекомендациям своей Комиссии по международным делам и дал поручение кабинету министров подписать пограничный договор с Россией без упоминания о том, что данный договор изменяет линию прохождения границы, ранее определявшуюся договором 1920 г. За предложение радикальных латвийских политиков из фракции «Отечеству и свободе» одновременно принять законопроект о признании имеющим силу дого-

вора 1920 г. проголосовало всего 9 из 86 депутатов Сейма. Переговоры по пограничному договору между Россией и Латвией возобновились, пограничный договор был подписан и ратифицирован.

Комментируя ратификацию пограничного договора с Латвией, заместитель министра иностранных дел России В. Г. Титов, в частности, выразил надежду, что «это соглашение окажет отрезвляющее воздействие на Эстонию» [20]. В этом также видится влияние регионального подхода на позицию лиц, ответственных за реализацию российской внешней политики в отношении стран Балтии: действия одной из стран Балтии, демонстрирующей стремление к сотрудничеству с Россией, они ставят в пример другим странам Балтии, не выказывающим такого стремления. Однако никто из них даже не пытается ставить действия стран Балтии в пример государствам из других регионов. Например, стремление Латвии к сотрудничеству в рассматриваемом случае не ставится в пример Японии, которая также могла бы отказаться от территориальных претензий к России. Ведь в отличие от европейских Эстонии и Латвии Япония — часть другого региона — Азии. Соответственно, рассматривать российско-латвийские и российско-японские отношения как аналогичные не представляется для российской элиты возможным. Возвращаясь к случаю Эстонии, в апреле 2007 г., когда в парламенте Латвии обсуждалась ратификация пограничного договора с Россией, в эстонской столице прошли митинги русскоязычного населения, выступивших против решения эстонских властей перенести памятник советским воинам-освободителям из центра Таллина [21]. Эти события, уже вне контекста регионального подхода, существенно отодвинули дату разрешения пограничного вопроса с Эстонией. Пограничный договор остался неподписанным. Попытки возобновить переговоры [22], принятые в конце 2012 — начале 2013 г., также не дали результата.

Другой проблемный момент в современных отношениях России и Эстонии — ситуация с правами русскоязычного населения в этой стране. Из сотен миллионов российских соотечественников, проживающих за рубежом, в Эстонии их менее полумиллиона. Опять-таки, сравнивая с ситуацией в области прав русскоязычного населения в центральноазиатских республиках бывшего СССР, например в Туркменистане, ситуация с правами русскоязычного населения в Эстонии не столь катастрофична. Вместе с тем она вызывает в России пристальное внимание и озабоченность [23]. Одним из факторов этого является региональный подход. Ведь в отличие от Туркменистана, который российская элита относит иногда к постсоветскому пространству, а иногда к Азии, в отношении Эстонии за десятилетия, прошедшие с момента распада СССР, уже сформировались представления о том, что это все-таки европейская страна.

Соответственно, давая оценку ситуации в области соблюдения прав русскоязычного населения в Эстонии, политики РФ оценивают эту ситуацию в сравнении не со странами постсоветского пространства, а тем более Азии, а со странами Европы, в большинстве из которых возникновение той ситуации, которая имеет место в Эстонии, невозможно. Именно на ситуацию в Эстонии указывал российский президент В. В. Путин, когда отказывался соглашаться с тем, «чтобы сегодня... русскоязычное

население не пользовалось в полном объеме правами, которые предоставляются всем людям, проживающим на европейском континенте» [24]. В этом видится еще один аспект влияния регионального подхода на политику Российской Федерации в отношении Эстонской Республики сегодня: если бы последняя относилась к постсоветскому пространству, проблема соблюдения там прав русскоязычного населения воспринималась бы российской элитой гораздо менее болезненно. Однако в Эстонии, являющейся частью Европы, такая ситуация недопустима.

Заключение

Региональный подход играет большую роль во взаимодействии Российской Федерации и Эстонской Республики. В качестве примеров его влияния была рассмотрена позиция России в отношении проблемы урегулирования вопроса о границе с Эстонией, а также защиты прав соотечественников в этой стране.

Пограничный вопрос между Россией и Эстонией в том числе зависит от контекста политики России, направленной на разрешение подобной проблемы с остальными странами Балтии. Как было показано в статье, ухудшение связей России с Латвией по этому вопросу способствовало улучшению отношений с Эстонией. И наоборот, появление проблем с Эстонией привело к улучшению отношений с Латвией.

В случае же защиты прав соотечественников в Эстонии значительное давление оказывает контекст политики России на европейском направлении в целом. В представлениях российских лидеров сегодня Эстония и другие страны Балтии являются европейскими странами, а не государствами постсоветского пространства. В результате стандарты в сфере соблюдения прав человека, принятые в Эстонии, оцениваются не с позиции существующих на постсоветском пространстве, а с точки зрения среднеевропейских, которым ситуация в Эстонии не соответствует.

Изучение этих двух случаев позволяет не только подтвердить влияние регионального подхода на политику России в отношении Эстонии, но и подкрепляет общетеоретический вывод о его роли в формировании взглядов политической элиты на внешнюю политику государств в целом.

Действительно, трансформация отношения российских лидеров к Эстонии происходит не только из-за встречных изменений в политике Эстонии, связанной с Россией, и внутривнутриполитических перемен, ухудшающих положение русскоязычного населения в этой стране, но и в результате изменения восприятия отдельных регионов, то есть группы стран, к которой относится и Эстония. Так, колебания во взаимодействии России и стран Балтии, а также на европейском направлении в целом неизбежно затрагивают и политические связи с Эстонией в частности.

Любопытно, что влияние регионального подхода на внешнюю политику мы чаще обнаруживаем у крупных держав, чем у малых стран. Так, внешняя политика Эстонии в отношении России не зависит от регионального подхода. Россия является столь значимым фактором для внешней политики Эстонии, что любые действия российского руково-

дства как во внутренней, так и во внешней политике подвергаются все-сторонней (как правило, негативной) оценке эстонского руководства, вне привязки к событиям, происходящим в других странах, в том числе на постсоветском пространстве. Вместе с тем можно предположить, что представления лидеров Эстонии, например, о государствах Ближнего Востока подвержены влиянию регионального подхода. Однако для того чтобы это доказать, потребуется скрупулезное изучение политических взглядов эстонских лидеров, в том числе их операциональных кодов.

Список источников и литературы

1. *Концепция* внешней политики Российской Федерации : утверждена Президентом Российской Федерации 28 июня 2000 г. // Совет безопасности Рос. Федерации : [официальный сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/25.html> (дата обращения: 30.05.2013).

2. *Концепция* внешней политики Российской Федерации : утверждена Президентом Российской Федерации 12 июля 2008 г. // Президент России : [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/785> (дата обращения: 30.05.2013).

3. *Концепция* внешней политики Российской Федерации : утверждена Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 г. // МИД РФ : [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 30.05.2013).

4. Ланко Д. А. Региональный подход в формировании внешней политики и принятии внешнеполитических решений: сравнительный анализ российского и американского опыта. СПб., 2011.

5. *Блондель Ж.* Политическое лидерство: пусть к всеобъемлющему анализу / пер. с англ. яз. Г. М. Квашнина. М., 1992.

6. *Leites N. C.* The Operational Code of the Politburo. N. Y., 1951.

7. *Rethinking Foreign Policy Analysis: States, Leaders, and the Microfoundations of Behavioural International Relations* / eds. S. G. Walker [et al.]. N. Y. ; L., 2011.

8. *Mearsheimer J. J., Walt S. M.* The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy. N. Y., 2007.

9. *Renshon J.* Stability and Change in Belief Systems: The Operational Code of George W. Bush // *The Journal of Conflict Resolution*. 2008. Vol. 52, № 6. P. 820—849.

10. *Bush G. W.* President's News Conference with Prime Minister Tony Blair of the United Kingdom. Istanbul, 2004.

11. *Dyson S. B.* Drawing Policy Implications from the 'Operational Code' of a 'New' Political Actor: Russian President Vladimir Putin // *Policy Sciences*. 2001. Vol. 34, № 3/4. P. 329—346.

12. *Интервью* министра иностранных дел России С. В. Лаврова британской телерадиокорпорации Би-би-си. Москва, 7 марта 2013 г. // МИД РФ : [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/3669F68A13D132FB44257B28002C5FBC (дата обращения: 30.05.2013).

13. *Россия и Прибалтика* : доклад Совета по внешней и оборонной политике // Независимая газета. 1997. 28 окт.

14. *Россия и Прибалтика II* : доклад Совета по внешней и оборонной политике // Там же. 1999. 13 окт.

15. *Лаар М., Валк Х., Вахтре Л.* Очерки истории эстонского народа. Таллин, 1992.

16. *Taagepera R.* Baltic Values and Corruption in Comparative Context // *Journal of Baltic Studies*. 2002. Vol. 33, № 3 (Fall). P. 243—258.

17. *Сейм* Латвии предъявляет территориальные претензии к России // Новости ИА «Regnum». 2005. 19 янв.
18. *Стенографический* отчет о встрече с творческим коллективом газеты «Комсомольская правда» от 23 мая 2005 г. // Президент России : [официальный сайт]. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/05/88557.shtml> (дата обращения: 30.05.2013).
19. *Межевич Н. М.* Российско-эстонская граница: история формирования и современное значение для развития Северо-Запада России // Псковский регионологический журнал. 2007. №4. С. 134—145.
20. *Пограничный* договор с Латвией ратифицирован // Телекомпания «НТВ». Сегодня. 2007. 5 сент. 15:07. URL: www.ntv.ru/novosti/116364/print (дата обращения: 30.05.2013).
21. *Ланко Д. А.* Популизм и политическое участие: уличные беспорядки в странах Балтийского региона в 2007—2009 гг. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5, №2. С. 209—230.
22. *Tüür K.* Russia and Estonia // Russian Federation 2012: Short-Term Prognosis / ed. by K. Tüür, V. Morozov. Tartu, 2012. P. 123—126.
23. *Комментарий* Уполномоченного МИД России по вопросам прав человека, демократии и верховенства права К. К. Долгова в связи с рекламной публикацией в эстонском издании «Eesti Ekspress» от 7 сент. 2012 г. // МИД РФ : [официальный сайт]. 2012. 7 сент. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/20E334171E70FC5744257A7200484733 (дата обращения: 30.05.2013).
24. *Совместная* пресс-конференция с председателем Палестинской национальной администрации Махмудом Аббасом. 29 апреля 2005 г. (Рамалла, Израиль) // Президент России. Внешнеполитические контакты : [официальный сайт]. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/04/29/1823_type63377type63380_87429.shtml (дата обращения: 30.05.2013).

Об авторе

Дмитрий Александрович Ланко, кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: dimppa@hotmail.com

THE REGIONAL APPROACH IN THE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION TOWARDS THE REPUBLIC OF ESTONIA

D. Lanko

Saint Petersburg State University
7—9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

Received on May 31, 2013

This author uses regionalism as a theoretical framework for analyzing the foreign policy of the Russian Federation towards the Republic of Estonia. Regionalism is interpreted as a situation, when a political leader's beliefs change depending on what region of the world is considered. Leaders of great powers often assume that,

for example, small European countries are subject to a treatment different from that of small Middle Eastern countries. The method of operational coding is employed to identify the impact of the regional approach on the beliefs of political leaders. The author comes to the conclusion that Russia's policy towards Estonia largely depends on Russia's policy towards the regions which the Russian elite relate Estonia to — the Baltic States, Northern Europe, and Europe as a whole. The results of the study can further the understanding of Russia's policy towards Estonia both in Russia and abroad. Lack of understanding sometimes results in sharing the views of radical Estonian politicians who claim that Russia's policy towards Estonia is unpredictable and thus poses a threat to security and stability in Europe.

Key words: international relations, foreign policy analysis, Russia, Estonia, regionalism, military political blocks

References

1. *Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii* [Foreign Policy Concept of the Russian Federation], 2000, 28 June.
2. *Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii* [Foreign Policy Concept of the Russian Federation], 2008, 12 July.
3. *Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii* [Foreign Policy Concept of the Russian Federation], 2013, 12 February.
4. Lanko, D. A. *Regional'nyj podhod v formirovanii vneshnej politiki i prinjatii vneshnepoliticheskikh reshenij: sravnitel'nyj analiz rossijskogo i amerikanskogo opyta* [The regional approach in the formulation of foreign policy and foreign policy decisions: a comparative analysis of Russian and American experience], 2011, Saint Petersburg, Levsha, 400 p.
5. Blondel, J. 1992, *Politicheskoe liderstvo: pust' k vseobemljushhemu analizu* [Political Leadership: Towards a General Analysis], Moscow, Rossijskaja akademija upravlenija [Russian Academy of Management], 135 p.
6. Leites, N. C. 1951, *The Operational Code of the Politburo*, New York, McGraw-Hill, 100 p.
7. Walker, S. G., Malici, A., Schafer, M. (eds.) 2011, *Rethinking Foreign Policy Analysis: States, Leaders, and the Microfoundations of Behavioural International Relations*, New York and London, Routledge, 322 p.
8. Mearsheimer, J. J., Walt, S. M. 2007, *The Israel Lobby and U. S. Foreign Policy*, New York, Farrar, Straus and Giroux, 496 p.
9. Renshon, J. 2008, Stability and Change in Belief Systems: The Operational Code of George W. Bush, *The Journal of Conflict Resolution*, Vol. 52, no. 6, December, p. 820—849.
10. Bush, G. W. 2004, *President's News Conference with Prime Minister Tony Blair of the United Kingdom*, Istanbul, Turkey, June 28.
11. Dyson, S. B. 2001, Drawing Policy Implications from the 'Operational Code' of a 'New' Political Actor: Russian President Vladimir Putin, *Policy Sciences*, Vol. 34, no. 3/4, p. 329—346.
12. Lavrov, S. V. 2013, Interview of the Minister of Foreign Affairs of Russia S. Lavrov for the BBC, Moscow, March 7.
13. *Rossija i Pribaltika: doklad Soveta po vneshnej i oboronnoj politike* [Russia and the Baltic States: Report of the Council on Foreign and Defense Policy], 1997, *Nezavisimaja gazeta* [The Independent newspaper], October 28.

14. Rossiya i Pribaltika II: doklad Soveta po vneshnej i oboronnoj politike [Russia and the Baltic II: Report of the Council on Foreign and Defense Policy], 1999, *Nezavisimaja gazeta* [The Independent newspaper], October 13.
15. Laar, M., Valk, H., Vahre, L. 1992, *Ocherki istorii jestonskogo naroda* [Essays in the History of the Estonian people], Tallinn, Cupar, 234 p.
16. Taagepera, R. 2002, Baltic Values and Corruption in Comparative Context, *Journal of Baltic Studies*, Vol. XXXIII, No. 3 (Fall), p. 243—258.
17. Sejm Latvii predjavljaet territorial'nye pretenzii k Rossii [Saeima has territorial claims to Russia], 2005, News agency *Regnum*, 19 January.
18. Putin, V. V. Stenograficheskiy otchet o vstreche s tvorcheskimi kolektivom gazety «Komsomol'skaja pravda» [Transcript of the meeting with the creative team of the newspaper "Komsomolskaya Pravda"], 2005, *Komsomolskaya Pravda*, 23 May.
19. Mezhevich, N. M. 2007, Rossijsko-estonskaja granica: istorija formirovaniya i sovremennoe znachenie dlja razvitiya Severo-Zapada Rossii [Russian-Estonian border: the history of the formation and contemporary significance for the development of the North-West Russia], *Pskovskij regionologicheskij zhurnal*, no. 4, p. 134—145.
20. Pogranichnyj dogovor s Latviej ratificirovan [Border agreement with Latvia ratified], 2007, *Segodnya* [Today], September 5, 15:07.
21. Lanko, D. A. 2009, Populizm i politicheskoe uchastie: ulichnye besporjadki v stranah Baltijskogo regiona v 2007—2009 gg. [Populism and political participation: the riots in the Baltic Sea region in 2007—2009], *Politicheskaja ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEKS], T. 5, no. 2, p. 209—230.
22. Tüür, K. 2012, Russia and Estonia, In: Tüür, K., Morozov, V. (eds.) *Russian Federation 2012: Short-Term Prognosis*, Tartu, Tartu University Press, p. 123—126.
23. Dolgov, K. K. 2012, Kommentarij Upolnomochennogo MID Rossii po voprosam prav cheloveka, demokratii i verhovenstva prava K. K. Dolgova v svjazi s reklamnoj publikaciej v jestonskom izdании «Eesti Ekspress» [Russian Foreign Ministry Commissioner's comments on human rights, democracy and the rule of law K. K. Dolgova in connection with the publication of the advertisement in the Estonian edition «Eesti Ekspress»], *Informacionnye materialy Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii* [Information materials of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation], September 7.
24. Putin, V. V. 2005, *Sovmestnaja press-konferencija s Predsedatelem Palestinskoj nacional'noj administracii Mahmudom Abbasom* [Joint press conference with the President of the Palestinian National Authority Mahmoud Abbas], Ramallah, Israel, April 29.

About the author

Dr Dmitry Lanko, Associate Professor, Department of European Studies, School of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: dimppa@hotmail.com